

Елена Здравомыслова, социолог, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, содиректор программы гендерных исследований.

Консервативный поворот

Я бы хотела начать с того, что вообще гендерная проблематика в российском обществе довольно долго привлекала внимание только очень узкого круга активистов и исследователей. Массового интереса к этой проблематике, в общем, не было. И вдруг произошли перемены, гендерные вопросы стали политизироваться, и очень сильно. Начинается это примерно с середины 2000-х годов. То есть это второй срок президента Путина. Он объявляет, что перед Россией стоит демографическая проблема. Намечает три стратегии ее решения. И утверждает, что одним из путей решения демографического кризиса в России является рост деторождения. И необходимо поощрять женщин для того, чтобы они рожали детей.

Продвигается и очень быстро принимается закон о материнском капитале. Когда оказывается: роди второго ребенка, помоги гражданам России решить очень важный демографический вопрос, этому ребенку будет три года, и женщина получит так называемый материнский капитал. Начались общественные обсуждения: может ли действительно некоторая сумма служить

стимулом для репродуктивного решения, как формулировать, какие есть действительно последствия этого закона. Феминистская критика прозвучала, потому что речь шла о материнском капитале. Довольно скоро он стал называться семейным капиталом. Но в реальной практике деньги эти может реально получать женщина. Обсуждались также цели, на которые может быть истрачен материнский капитал. Как мы знаем, по закону таких целей первоначально было только три. Это решение жилищного вопроса, пенсионные накопления матери и образование детей. Это прокрустово ложе трех целей использования этих денег оказалось чрезвычайно узким. Отношение государства к гражданам — такое, с одной стороны, патерналистское, а с другой стороны, жестко контролирующее — «Мы знаем, на что вам надо потратить деньги. И вы со своими потребностями уж приспособьтесь сами» — воспроизводило советские модели. Хотя сумма достаточно большая, тем более она индексировалась. С 2007 по 2016 год работает программа материнского капитала. И ясно, что она, может, и не решает проблему демографического кризиса, но улучшает в определенной степени положение семей. Семьи на нее рассчитывают. И, в общем, эта мера впервые проблематизирует гендер.

Второй момент связан с введением некоторых поправок в закон о репродуктивных правах. Дело в том, что у нас возникают массовые инициативы, которые призывают коренным образом пересмотреть очень либеральный закон об абортах. Или полностью его запретить. Происходит мобилизация консерваторов, которые вообще-то называются пролайферы. Это те, кто, обсуждая проблематику репродуктивных прав, категорически против того, чтобы у женщины вообще были репродуктивные права. Эти консерваторы, которые радикально хотят запретить аборт, не добиваются своей цели. Но изменения в законодательстве об абортах происходят, и частично эти поправки приводят к его ужесточению. Это второй, так скажем, пункт политизации гендера. Потому что там возникает вопрос, имеет ли женщина право распоряжаться своим телом или ей надо вообще запретить это делать. Или она должна это делать только с согласия своего мужчины, партнера и так далее.

Третий момент, связанный с консервативной мобилизацией, касается закона о ювенальной юстиции. Довольно сложная дискуссия. Дело в том, что Россия должна была подписать закон о ювенальной юстиции. Консерваторы категорически против этого закона. По двум основаниям. С одной стороны, они

говорят, что у них есть либеральный аргумент. Он заключается в том, что если государство вмешивается в частную жизнь, то это пространство коррупции, интервенции и давления. И ограничивает родительские права. С другой стороны, под эту же сурдинку совершенно не проводится никаких мер по облегчению положения детей, которые оказываются в местах заключения и которые преследуются по закону. Они говорят о том, что семья все должна решать. «В семье должны быть роли четко расписаны. Какие могут быть права ребенка?!» Ведь закон о ювенальной юстиции базируется на правах ребенка. «Никаких прав ребенка! Только права отца и права матери!» Вот эта модель традиционной семьи выступает. И это тоже консервативное такое наступление, чтобы не использовать слово «наезд».

Дальше мы говорим о законе о гендерном равенстве. Чтобы действительно реально бороться с дискриминацией, нужно было провести через парламент закон о гендерном равенстве с определенными формулировками. Это международное право. Этот закон блокируется, его не принимают. Почему? Потому что консерваторы выступают против категории «гендер». И вот это для нас довольно любопытный момент. Они говорят, что «гендер» — это чуждый термин, заимствованный. Мало того, сторонники гендерного подхода утверждают, что модели и роли мужественности и женственности, мужского и женского поведения социально сконструированы. А если они социально сконструированы, их можно изменить. Их можно выбрать. Они не предписаны ни государством, ни биологией, ни религиозными догматами. А раз так, то, используя категорию «гендер» в законодательных актах, мы тем самым проводим политику выбора сексуальной ориентации и половых ролей.